

10 ДЕК 1970

г. Минск

Газета №

За девять лет работы на сцене Белорусского академического театра им. Я. Купалы Август Милованов сыграл довольно много.

— Но ролями, во всех отношениях удачными для себя, могу назвать лишь Зурико в спектакле «Я, бабушка, Илико и Илларион» и Гэли Гэя в «Что тот солдат, что этот», — говорит Август.

Сложилось так: Августа Милованова без колебаний включили в число наиболее интересных и обещающих актеров купаловской сцены, актеров сначала «молодого», а затем «среднего» поколения, его работы слегка критиковали, чаще хвалили, находя в каждой обещание будущей роли-откровения.

А Милованов играл. Играл разное. Чаще — современников, ровесников.

В этих ролях он оставался самим собой, отказываясь от услуг внешних средств перевоплощения. Без грима, без парика. Со своим голосом и походкой. Смелость, с которой Милованов упорно оставался собой, граничила с риском акробата, выступающего без страховки, надеясь лишь на свои силы.

Лицо Милованова оставалось именно его лицом у всех его современных героев: у Филиппа Круглого в «Гроссмейстерском балле», у Электрона Евдокимова в «Еще раз про любовь», у Сергея Усова в «Традиционном сборе»...

Рассматривая своих героев с подчеркнуто современной точки зрения, Август Милованов стремился найти в них что-то общее, какой-то сплав человеческих качеств, необходимый сегодняшнему зрителю.

В своем герое Милованов превыше всего ставит склонный к иронии интеллект и резкое неприятие несправедливости. Эти качества актер упорно стремился слить не просто в целое, но и в неделимое, органическое целое. Ирония и аналитичность ума не позволяли героям Милованова быть непосредственными, а их воинствующая бескомпромиссность не гарантировала от тяжелых ошибок и заблуждений при

конflikте с окружающими. Но чистота и незаурядность и Круглого, и Евдокимова, и Усова всегда выводили их в конечном счете снова к теплу человеческих чувств.

— Ненавижу сытость, — говорит Милованов, — ненавижу больше всего в жизни. И бесталанность. И довольство. Люблю честность, бескомпромиссность.

Герои Августа Милованова и любят-то нелегко, путанно и несчастливо, потому что отвергают любовь, мешающую делу их жизни, потому что в пылу схватки с неправдой трагически проходят мимо любви, не заметив ее. Никогда в жизни к ним не приходит благополучие, оно просто проти-

лем о своем герое. А драматургический материал не позволял этого. Вот и получалось очень рационально. И отчужденно. И опять встреча с открытием интересного, во многом нового человека откладывалась до какой-то следующей роли, которой все не было.

— Я считаю Зурико своей единственной полностью удачной ролью всех прошедших сезонов, — говорит Август. — Это была прежде всего хорошая драматургия, что для актера самое важное. Сталкиваясь с драматургическим материалом низкого уровня, актер теряет что-то из своих профессиональных качеств. А если это бывает часто — то и человеческих.

ценность работой была такова, что в удачу не сразу веришь. А требовательность к себе не позволяет признать работу законченной.

Жутковатый фарс Б. Брехта «Что тот солдат, что этот» — яростное утверждение мысли о том, что каждый сегодняшний равнодушный и благонамеренный обыватель буржуазного общества — завтрашний нерассуждающий исполнитель с автоматом. Тихий грузчик Гэли Гэя, выйдя из дому, чтобы купить рыбу, на наших глазах постепенно превращается в солдата, в безличную боевую машину. Август Милованов играет этот процесс блестяще.

Позиция, которую он занимает, является социально-кри-

рион».

Мы говорим о современной драматургии, о театре «Современник», о последних спектаклях Минска, о кино, о ежедневном актерском труде.

— Я не люблю компромиссы в жизни, но допускаю их существование на сцене. Нередко зритель идет смотреть неглубокую, поверхностную вещь, хотя актер и не спасет положения, искусственно втискивая в своего героя какие-либо достоинства. У каждого спектакля свой зритель, и надо удовлетворить его вкус. У индийских фильмов свои почитатели, свои почитатели и у «Земляничной поляны», и вряд ли они захотят поменяться «богами». Зрителя, конечно, надо воспитывать, но в первую очередь, по-моему, надо предъявлять повышенное требование к авторам пьес. Театр, по-моему, должен упорно и настойчиво разыскивать потенциально интересных молодых авторов, «своих» авторов, и в самом тесном контакте с ними работать над пьесами, воспитывая их самих — авторов... Что хотелось бы сказать о режиссерах? На своем творческом вечере Ефим Колелан сказал о Товстоногове, что он «не надевает роль на артиста, а «видит» эту роль в нем». По-моему, это основное, чем должен обладать режиссер с точки зрения актера.

— Надо все время над чем-нибудь — работать, — утверждает Милованов. — Не над любой ролью, конечно. Актер должен все время быть сильно увлечен чем-нибудь. Я сейчас мало репетирую в театре, но интересная роль есть. Я снимаюсь в многосерийном телевизионном фильме «Руины стреляют в упор». Есть интересная работа, а это — главное.

Да, для Августа Милованова главное — интересная работа. В ней — счастье настоящего актера.

А работает он много. Упорно. Поэтому неудачи ему не страшны.

Трудно сказать, каким будет его новый герой. Но этот герой будет, потому что актер не останавливается.

В. ШМАКОВ.

ДОРОГА К ОТКРЫТИЮ

вопоказано этим людям. И если волею автора физик Электрон Евдокимов закован в прочный панцирь ироничной благополучной неуживчивости, то актер стремится взорвать изнутри эту непоколебимую, как кажется Евдокимову, позицию.

Не все современные пьесы дают возможность играть в них с полной отдачей. Были у Милованова образы, «сложность» которых в конечном счете прекрасно «рифмовалась» с благополучным финалом, где конфликты со злом были трескучи и поверхностны.

А Август Милованов не хотел, чтобы было «в рифму», просто не мог «в рифму».

Начинался бой с материалом. И с собой.

Ощущая рождающуюся внутри фальшь, актер стремился вытолкнуть, выбросить ее. Герой становился жестким, неспокойным. Начинался свой, актерский суд над образом, подключалась собственная актерская ирония по отношению к роли. И к себе в ней. Актер стремился говорить со зрите-

Да, Зурико — удача Милованова. И обещание еще большей.

Зурико Милованова не подражает грузину, не подделывается «под кавказца». Он национален по ритму своей жизни, по природе своего темперамента. Тут рациональный и сдержанный герой Августа Милованова стал вдруг теплым, сердечным и улыбочивым. Полным не обычного своего аналитического рационализма, а теплой, полнокровной мудрости. Милованов легко и свободно чувствовал себя в роли, требующей частого отстранения от течения событий, осмысления их, непосредственного общения с публикой.

После этого встреча с драматургией Бертольда Брехта оставалась закономерной и необходимой.

— Работать над образом Гэли Гэя было просто изнурительно тяжело, — говорит Милованов, — а высокая оценка моей работы для меня до сих пор неожиданна.

Значит, Гэли Гэй — результат бессознательного творческого процесса? Нет. Просто погло-

тической. В своем герое актер выделяет те черты, которые представляют общественный интерес. И вместе с тем создает образ по всем законам театра переживания. Безукоризненная пластика, острая характеристика, сатирические детали, меткие наблюдения — вот арсенал Милованова в этой роли. И над всем этим — двойной процесс сценического мышления: персонажа и актера.

— Тут многое сделало взаимопонимание, возникшее между мной и режиссером спектакля Валерием Раевским, — говорит Август. — Очень важно верить в умение и талантливость режиссера, с которым работаешь.

И актер говорит о людях, которым он обязан многим из того, что умеет.

— Это Дмитрий Алексеевич Орлов, мой педагог в институте, это Борис Владимирович Эрин, человек, которому многим обязаны и все купаловцы моего поколения. Это режиссер Рубен Агамирзян, с которым я работал в спектакле «Я, бабушка, Илико и Илла-